

ПЛЕЙ-ЛИСТ

Fortunate Son (1969) — Creedence Clearwater Revival
Both Sides, Now (1966) — Joni Mitchell
Born to Be Wild (1968) — Steppenwolf
Fly Me to the Moon (1954) — Frank Sinatra
Time of the Season (1968) — The Zombies
Magic Carpet Ride (1968) — Steppenwolf
Those Were the Days (1968) — Mary Hopkins
Suspicious Minds (1968) — Mark James
Young Girl (1968) — Gary Puckett & The Union Gap
Everyday People (1968) — Sly and the Family Stone
More Today Than Yesterday (1969) — Spiral Starecas
Piece of My Heart (1968) — Big Brother and the Holding Company
Everybody's Talkin (1966) — Fred Neil
Mother's Little Helper (1966) — Rolling Stones
Magic Carpet Ride (1968) — Steppenwolf (реприза)
Help! (1965) — The Beatles
White Rabbit (1967) — Jefferson Airplane
Summertime Blues (1958) — Eddie Cochran
I Heard It Through the Grapevine (1966) — Creedence Clearwater Revival
Summertime Blues (1958) — Eddie Cochran (реприза)
Nineteenth Nervous Breakdown (1965) — Rolling Stones
A Whiter Shade of Pale (1967) — Procol Harum
Whatever Lola Wants (1955) — Sarah Vaughan
Sunshine of Your Love (1967) — Cream
Can't Find My Way Home (1969) — Blind Faith
Fly Me to the Moon (1954) — Frank Sinatra (реприза)
Ring of Fire (1963) — Johnny Cash
All Along the Watchtower (1967) — Jimi Hendrix
A Whiter Shade of Pale (1967) — Procol Harum (реприза)
Midnight Confessions (1968) — Lou Josie
For What It's Worth (1966) — Buffalo Springfield
Get Back (1969) — The Beatles
Both Sides, Now (1966) — Joni Mitchell (реприза)
Someday We'll Be Together (1969) — Diana Ross
Fortunate Son (1969) — Creedence Clearwater Revival (реприза)

Эта книга посвящена трем людям, которые были рядом со мной ранним утром 17 июля 1969 года:

моей маме Салли Хильдебранд, у которой на четыре недели раньше срока начались роды;

моей бабушке по маме Рут Халинг, проехавшей все светофоры на красный свет, чтобы доставить маму в Бостонскую женскую больницу;

моему брату-близнецу Эрику Хильдебранду — так и вижу, как он повернулся ко мне и спросил: «Ну что, готова?»

Пролог

Fortunate Son*

Тигру пришла повестка. Первый порыв Кейт — выкинуть ненавистное письмо куда-нибудь подальше. Так поступила бы любая мать на ее месте, разве не так? Притвориться, будто почта затерялась, обеспечив Тигру еще несколько недель свободы, пока армия США созреет отправить следующее извещение. К тому времени эта богом проклятая война во Вьетнаме, может, и закончится. Никсон обещал завершить войну. Прямо сейчас в Париже идут мирные переговоры. Ле Зуан поддается капиталистическим посулам, или Тхьеу прикончат, а его место займет кто-то поумнее. Честно говоря, Кейт плевать, если Вьетнам падет жертвой коммунистов. Лишь бы сын остался цел.

Тигр возвращается домой после смены в школе вождения, и Кейт роняет:

— Там тебе письмо пришло, на кухонном столе.

Письмо Тигра совершенно не интересует. Он насвистывает, на нем полиэстерная форменная рубашка школы вождения «Уолден Понд», на кармане вышито его имя: Ричард. В письме к нему также обращаются по этому имени — послание адресовано Ричарду Фоли, — хотя все зовут его просто Тигром.

Тигр болтает:

* «Fortunate Son» (1969) — песня рок-группы Creedence Clearwater Revival. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

— Ма, я сегодня учил такую красотку. Ее зовут Мэджи* — и это имя, а не фамилия, скажи, отпад? Ей тоже девятнадцать, учится на стоматолога-гигиениста. Я ей поулыбался во все тридцать два, а потом пригласил на ужин, и она согласилась. Она тебе понравится, вот увидишь.

Кейт возится у раковины, так и сяк устраивает в вазу нарциссы. А сама закрывает глаза и думает: «Больше никогда в жизни он не будет таким легкомысленным».

Конечно же, в следующую секунду Тигр восклицает:

— Ох, черт, ох ты ж... Ма? — Он откашливается.

Кейт оборачивается, отгораживаясь охапкой нарциссов, будто крестом от вампира. На лице Тигра написан шок, и восторг, и ужас.

— Меня призывают, — выпаливает он. — Двадцать первого апреля я должен прибыть в призывной пункт в Южном Бостоне.

Двадцать первого апреля — день рождения Кейт. Ей исполнится сорок восемь. За сорок восемь лет жизни она дважды выходила замуж и родила четверых детей, трех дочек и сына. Кейт ни за что не признается, что любит сына больше всех: может обронить, мол, питает к нему особые чувства. Это яростная, всепоглощающая любовь, которую каждая мать испытывает к своему чаду, но со шепоткой потворства. Ее красивый сын так похож на своего отца, но он добрый. И славный.

Кейт открывает кошелек и кладет на стол перед Тигром двадцать долларов.

— Это тебе на свидание. Сходите в хорошее место.

* Мэджи (англ. Magee) — шотландская и ирландская фамилия, крайне редко встречается как имя.

Двадцать первого апреля Кейт везет Тигра из Бруклина в Южный Бостон. Дэвид предлагал сесть за руль, но Кейт решила все сделать сама.

— Он мой сын, — роняет она, и лицо Дэвида на мгновение искажается болью и изумлением.

Они никогда не употребляют подобных выражений — «ее» дети, подразумевая «не его», — и Кейт тут же бранит себя, но в то же время у нее мелькает мысль, дескать, если Дэвид хочет узнать, что такое настоящая боль, пусть поставит себя на ее место. На подъездной дорожке к дому Тигр прощается с Дэвидом и тремя сестрами. Кейт приказала девочкам не плакать.

— Мы же не хотим, чтобы он решил, будто не вернется назад.

И все же Кейт не отпускает страх: вдруг Тигр погибнет на чужой земле. Ему прострелят голову или живот, разорвет гранатой. Он утонет на рисовом поле, сгорит в падающем вертолете. Каждый вечер Кейт слышит о подобном в новостях. Американские мальчики гибнут, а что сделали Кеннеди, Джонсон и теперь вот Никсон? Отправили новых мальчиков.

В призывном пункте Кейт становится в длинный ряд автомобилей. Впереди мальчишки, такие как Тигр, обнимают родителей, некоторые — в последний раз. Ведь так? Совершенно точно некоторые мальчики отсюда, из Южного Бостона, отправляются на смерть.

Кейт паркуется. Оглядевшись, понимает: все пройдет быстро. Тигр сгребает с заднего сиденья рюкзак, Кейт выходит, обегает автомобиль. На какое-то мгновение застывает, запечатлевая в памяти образ сына. Девятнадцать лет, метр восемьдесят восемь ростом, восемьдесят два килограмма весом, светлые волосы отросли так, что касаются воротника рубашки, к ужасу матери Кейт, Экзальты, но армия США с этим живо разберется. У него ярко-зеленые глаза, один из зрачков чуть вытянут,

будто мед капает с ложки. Кто-то сказал, что у сына тигриный глаз, так он и получил свое прозвище.

У Тигра за спиной школьный диплом и один семестр колледжа в Университете Фремингейма. Слушает Led Zeppelin и The Who, любит скоростные машины. Мечтает в один прекрасный день поучаствовать в гонке «Инди-500».

А потом Кейт внезапно проваливается в прошлое. Тигр родился на неделю позже положенного срока и весил около четырех с половиной килограммов. Первые шаги сделал в десять месяцев — довольно рано, ведь ему не терпелось догнать Блэр и Кирби. В семь лет он мог поименно перечислить всех игроков «Ред Сокс», его любимчиком был Тед Уильямс. В двенадцать Тигр совершил три хоум-рана подряд в финальной игре Малой лиги. На восьмом году обучения его выбрали президентом класса, после чего он стремительно и благоразумно потерял интерес к политике. Как-то в дождливый день на Нантакете Тигр от нечего делать сыграл в боулинг и вскоре победил на своем первом турнире. Потом, в старшей школе, увлекся футболом. Тигр Фоли поставил все рекорды среди ресиверов в средней школе Бруклина, включая общее количество набранных ярдов — рекорд, который, по прогнозам тренера Бевилаквы, никогда не будет побит. Сына приглашали играть за «Пенн Стейт», команду Университета Пенсильвании, но Тигр не хотел уезжать так далеко от дома, а команда Массачусетского университета была не такой классной. По крайней мере, так утверждал Тигр. Кейт подозревает, что сыну просто надоело играть, или, может, он решил уйти на самом пике бейсбольной карьеры, ну или совсем не желал еще четыре года торчать на студенческой скамье. Кейт очень хотелось бы сказать, что если бы Тигр поступил в колледж, какой угодно, или остался на заочном в университете, то сейчас не оказался бы в таком положении.

— Не забудь, ты обещала заехать к Мэджи, — напоминает Тигр.

Мэджи. Он волнуется о Мэджи. Тигр и Мэджи сходили на первое свидание в день, когда пришло то самое письмо, и с той поры не разлучались. Сама-то Кейт считает, что завязывать отношения за две недели до отправки на войну неразумно, но, вероятно, сыну нужно было отвлечься. Кейт согласилась заглядывать к Мэджи, ведь Тигр сказал, что та очень расстроена его отбытием. Но девушка, с которой встречались две недели, не может тревожиться больше родной матери солдата.

Срок службы составляет тринадцать месяцев, это не на всю жизнь, но некоторые из матерей здесь, возле призывного пункта, сами того не подозревая, прощаются навсегда, и Кейт уверена, что она — одна из них. Другие матери ведь не натворили ничего такого. А она заслужила наказание. Целых шестнадцать лет наслаждалась каждым счастливым днем, подспудно ощущая, будто берет их взаймы и рано или поздно придет срок платить по счетам. Кейт думала, это будет рак, или авария, или пожар. Она никогда не задумывалась, что может потерять сына. Но прямо сейчас она стоит здесь. По собственной вине.

— Я люблю тебя, ма, — говорит Тигр.

Обычно она отвечает: «Я тоже люблю тебя», но сейчас выпаливает:

— Прости меня. — Кейт сжимает Тигра в объятиях так крепко, что ощущает все его ребра под легкой ветровкой. — Прости меня, сыночек.

Тигр целует ее в лоб и держит за руку до самой последней секунды. Когда он наконец заходит в призывной пункт, Кейт стремительно влетает в автомобиль. Через окно она видит, как Тигр выпрямляется и расправляет плечи. Кейт переводит взгляд на свои сжимающие руль пальцы. У нее нет сил смотреть, как сын исчезает.

Both Sides, Now*

Они уезжают на Нантакет, как всегда, в третий понедельник июня. Экзальта Николс, бабушка Джесси по маме, помешана на традициях, а когда дело доходит до летних обычаев и ритуалов, у нее и вовсе крышу сносит.

Третий понедельник июня попадает на тринадцатый день рождения Джесси, и поэтому его отмечать не будут. Джесси только того и надо. Все равно без Тигра праздник не праздник.

Джессика Левин («Рифмуется с “королева”, как говорит она посторонним) — младшая из четырех детей. Ее сестре Блэр двадцать четыре, она живет на Коммонвелс-авеню. Блэр замужем за профессором Массачусетского технологического института Ангусом Уэйленом. В августе у них должен родиться первенец, а значит, Кейт, мама Джесси, вернется в Бостон помогать с младенцем и оставит младшую дочь вдвоем с бабушкой на Нантакете. Экзальта не из тех теплых и милых бабушек, которые пекут печенье и треплют за щеки. Для Джесси каждая встреча с бабулей — как сигануть головой в колючий куст: вопрос даже не стоит, поцарапается она или нет, вопрос в том, где и как сильно поцарапается. Джесси пыталась обсудить с Кейт возможность возвращения с ней в Бостон, но мать твердила одно:

— Не стоит портить летний отдых.

* «Both Sides, Now» (1966) — песня канадской певицы Джони Митчелл, одной из самых важных исполнительниц рок-эры.

— Да он не испортится, — настаивала Джесси.

По правде сказать, досрочное возвращение в город, наоборот, спасло бы лето. Лесли и Дорис, подружки Джесси, остаются в Бруклине, будут плавать в бассейне загородного клуба, пользуясь членством семьи Лесли. Прошлым летом за время отсутствия Джесси девочки сблизились. Их дружба окрепла, а Джесси оказалась в зыбкой позиции. Лесли среди подруг главная, потому что она милая блондинка, а ее родители время от времени обедают у Тедди и Джоан Кеннеди*. Иногда Лесли дает понять Джесси и Дорис, что делает им одолжение, считая подругами. Она вполне крута, захочет — будет тусить с Пэмми Поуп и другими популярными девчонками. Если Джесси уедет на все лето, может навсегда потерять Лесли.

Кирби, вторая старшая сестра Джесси, — студентка в Симмонс-колледже. Споры Кирби с родителями всегда шумные и чрезвычайно интересные. Годами подслушивая родительские разговоры, Джесси поняла, в чем проблема: Кирби — «вольная птаха», которая «никак не поймет, что ей на пользу». В Симмонсе Кирби дважды меняла специализацию, потом попыталась основать собственное направление — гендерные и расовые исследования, — но декан его отверг. Тогда Кирби решила, что будет первой в мире студенткой, которая выпустится из Симмонса вообще без всякой специализации. Однако декан снова сказал «нет».

— Он заявил, что окончить университет без специализации — все равно что прийти на церемонию вручения дипломов голой, — рассказала Джесси сестра. — А я ему ответила, что не стоит меня провоцировать.

* Эдвард Мур Тед Кеннеди (англ. Edward Moore «Ted» Kennedy; 1932–2009) — сенатор США от штата Массачусетс, младший брат президента США Джона Фитцджералда Кеннеди.

Джесси представляет, как Кирби дефилирует через сцену за дипломом в чем мать родила. Сестра еще в старших классах начала участвовать в политических протестах. С доктором Мартином Лютером Кингом — младшим она промаршировала через трущобы и опасные районы от Роксбери до парка Бостон-Коммон, где ее разыскал и увел домой папа Джесси. За прошлый год Кирби приняла участие в двух антивоенных протестах, оба раза ее арестовывали.

Арестовывали!

Родители потеряли всякое терпение. Джесси слышала, как мама говорила: «Мы ей ни цента не дадим, пока она не научится играть по правилам!» Но теперь Кирби для них не самая большая головная боль.

Самая большая проблема — брат Джесси Ричард, которого все зовут Тигр. Его призвали в армию в апреле. После базовой подготовки Тигра направили на Центральное плато Вьетнама в составе роты «Чарли» двенадцатого полка третьей бригады Четвертой пехотной дивизии. Что пошатнуло основы семьи. Все они верили, что на войну отправляют только юношей из рабочего класса, но никак не звездных учеников средней школы Бруклина.

В школе Джесси все по-разному отреагировали на призыв Тигра. Пэмми Поуп пригласила ее в гости на ежегодный семейный пикник в честь Дня поминовения, но Джесси отказалась из-за дружбы с Лесли и Дорис, их-то не позвали. Как-то в один июньский понедельник школьный психолог мисс Флауэрс вызвала Джесси с урока — проверить, как она справляется. Это было занятие по домоводству, и уход Джесси вызвал бурную зависть у других девочек, которые сражались со швейными машинками, пытаясь дошить синие вельветовые жилеты в срок до конца четверти. Мисс Флауэрс отвела Джесси в свой кабинет, вскипятила

воду в электрическом чайнике и приготовила чашку горячего чая. Джесси не пила горячий чай, к тому же предпочитала кофе — Экзальта разрешала ей выпить одну чашку кофе с молоком за воскресным бранчем, невзирая на протесты Кейт, дескать, девочка не вырастет, — но Джесси понравилось уютное гнездышко кабинета мисс Флауэрс. Психолог открыла деревянный ящик с экзотическими чаями — ромашка, цикорий, жасмин, — и Джесси выбрала вкус со всей тщательностью, будто от этого зависела ее жизнь. Она взяла гибискус. Пакетик болтался в чашке несколько минут, но чай все равно стал только бледно-оранжевым. Джесси бросила три кубика сахара, опасаясь, что напиток окажется безвкусным. Так и вышло: получилась оранжевая сладкая водичка.

— Итак, — начала мисс Флауэрс, — как я понимаю, твой брат уже за океаном. Были от него вести?

— Два письма, — ответила Джесси.

Одно из писем было адресовано всей семье, Тигр в подробностях расписал базовую подготовку, которая, по его словам, «совсем не такая тяжелая, как говорят, а для меня и вовсе проще простого». Другое письмо он написал лично Джесси. Она сомневалась, что Блэр и Кирби тоже получили по весточке. Блэр, Кирби и Тигр были полными кровными родственниками, детьми Кейт и ее первого мужа, лейтенанта Уайлдера Фоли, который отслужил на тридцать восьмой параллели в Корее*, вернулся домой и случайно пустил себе пулю в голову из «Беретты». Но ближе всех Тигру была сводная сестра Джесси. На самом деле им не разрешалось употреблять выражения «сводная сестра», «сводный брат», «отчим» — Кейт резко пресекала все

* По 38-й параллели северной широты проходила граница между Северной и Южной Кореей до корейской войны.

попытки, — но, как ни крути, в семье присутствовал некий разлом. Однако отношения между Тигром и Джесси были искренними, цельными и хорошими, чему и служило доказательством письмо. После первой же строчки, гласящей «Милая Месси», на глазах у Джесси выступили слезы.

— Только письма и облегчают душу, — сказала мисс Флауэрс, ее глаза тоже увлажнились. Жених мисс Флауэрс, Рекс Ротман, был убит год назад во время Тетского наступления во Вьетнаме. Мисс Флауэрс целую неделю не ходила в школу, потом Джесси увидела ее фотографию в «Бостон Глоб»: она рядом с гробом, накрытым американским флагом. Но в сентябре, после начала очередного учебного года, между мисс Флауэрс и учителем физкультуры Эриком Барстоу вспыхнул роман. Мистер Барстоу был мускулистым, как Джек Лаленн*. Мальчики одновременно ненавидели и уважали мистера Барстоу, а Джесси и другие школьницы опасались. Но как только он начал встречаться с мисс Флауэрс, тут же внезапно превратился в романтического героя. Той весной школьники застукали, как мистер Барстоу подарил мисс Флауэрс нежный букет ландышей, завернутых в мокрую бумажную салфетку, а после школы ежедневно подносил ее книги и папки до парковки. Джесси несколько раз замечала, как парочка разговаривает рядом с оранжевым (точь-в-точь цвет Флориды) «Фольксвагеном-жуком» мисс Флауэрс и мистер Барстоу облакачивается на крышу автомобиля. А однажды из школьного автобуса даже увидела, как они целуются.

Кое-кто — например, Лесли — осуждает мисс Флауэрс за то, что она нашла замену погибшему жениху,

* Джек Лаленн (англ. Jack LaLanne; 1914–2011) — «отец» современного движения за здоровый образ жизни, изобрел индивидуальные тренажеры, вел шоу на телевидении.

не подождав даже года. Но Джесси понимает, какая трагическая пустота остается после потери близкого, а на уроке естествознания они учили, что природа не терпит пустоты. Джесси знает, что после гибели Уайлдера ее мама наняла адвоката, чтобы оспорить заявление страховой компании, дескать, ее муж покончил жизнь самоубийством. Адвокат доказывал, что Уайлдер чистил «Беретту» в гаражной мастерской и выстрелил случайно. Такое различие было важно не только для получения страховой выплаты, но и для спокойствия троих детей Кейт. На тот момент Блэр было восемь, Кирби — пять, а Тигру — всего три.

Нанятый Кейт адвокат, который успешно доказал в суде случайность гибели Уайлдера, был не кто иной, как Дэвид Левин. Через шесть месяцев после того, как дело было урегулировано, Кейт и Дэвид начали встречаться. Несмотря на горячие возражения Экзальты, они поженились, и через несколько месяцев после гражданской церемонии Кейт забеременела Джесси.

Джесси не хотелось обсуждать с мисс Флауэрс Тигра и Вьетнам, она решила сменить тему и произнесла:
— Чай очень вкусный!

Мисс Флауэрс неопределенно кивнула и промокнула глаза носовым платком, который всегда носила за поясом платья, чтобы предлагать ученикам (в конце концов, она была подростковым психологом, а гормоны и чувства подростков могут вырваться наружу в любую минуту). Мисс Флауэрс сказала:

— Я просто хочу, чтобы ты знала: если во время учебного дня у тебя появятся мрачные мысли, можешь прийти сюда и поговорить со мной.

Джесси устала в чашку. Она знала, что никогда не сможет воспользоваться предложением мисс Флауэрс. Как можно обсуждать мрачные мысли о брате — живом, насколько Джесси было известно, — ведь мисс

Флауэрс потеряла своего жениха Рекса Ротмана на самом деле?

Каждую ночь Джесси мучили кошмары о том, что Тигра убьет минометным огнем или взрывом гранаты или его захватят в плен и погонят сотню миль через джунгли без еды и воды, но от офиса мисс Флауэрс она держалась подальше. Ей удавалось избегать психолога до последнего школьного дня, когда та остановила Джесси по дороге к выходу и шепнула на ухо:

— Встретимся в сентябре, твой брат благополучно вернется домой, а я буду помолвлена с мистером Барстоу.

Джесси прижалась головой к джемперу грубого льна мисс Флауэрс, посмотрела ей в глаза и поняла, что та действительно верит в свои слова, — и на одно прекрасное мгновение Джесси тоже в них поверила.

7 июня 1969 года

Милая Месси,

пишу письмо сейчас, хочу быть уверенным, что оно точно успеет к твоему дню рождения. Говорят, почта оттуда до Штатов доходит за неделю, но если подумать о расстоянии, которое должно преодолеть письмо, то лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

С днем рождения, Месси!

Тринадцать лет, поверить не могу! Я помню, как ты родилась. На самом деле я помню только, как дедуля повел нас в кафе «Бригамс» есть мороженое. Я получил два шарика со вкусом ириски в сахарном рожке, и это дурацкое мороженое упало, дедуля сказал: «О, черт», а потом принес мне новую порцию. Не знаю, хорошо ли ты помнишь дедулю, ты была совсем маленькой, когда он умер, но мы считали его очень классным. Перед отъездом бабуля подарила мне его гарвардское кольцо, но нам не разрешают носить украшения, поэтому я храню его

в нагрудном кармане бронежилета. Это не очень умно, ведь если меня разнесет на куски, то кольцо потеряется навсегда, но мне нравится держать его рядом с сердцем. Почему-то это помогает чувствовать себя в безопасности, банально, но, Месси, ты не поверишь, что здесь считают талисманом на удачу: некоторые ребята носят кресты или звезды Давида, другие — кроличьи лапки, у одного парня ключ от велосипедного замка его девушки, у другого — туз пик, который помог ему выиграть в покере в ночь перед отправкой. А у меня дедушкин гарвардский перстень, которым я не хвастаюсь, а то парни могут подумать, будто я пытаюсь похвалиться своей родословной. Я пытаюсь объяснить, что ребята носят с собой вещи, которые, по их мнению, обладают магической силой или те, что напоминают, почему они хотят остаться в живых.

Среди нас есть прирожденные выживальщики, и это здорово, потому что нашу роту бросили в самую гущу событий. Здесь, в роте «Чарли», у меня появились два настоящих друга — Жаб и Щен (на самом деле Фрэнсис и Джон). Другие ребята называют нас Зоопарком, потому что у всех нас животные клички, но они завидуют тому, какие мы крутые. Мы втроем устраиваем дурацкие соревнования, например: кто больше подтянется на ветке дерева, кто выучит самые грязные слова на вьетнамском языке и кто быстрее выкурит целую сигарету, не вынимая ее изо рта. Жаб — негр (ой, что сказала бы бабуля?) из Миссисипи, а Щен — до того светлокожий блондин, что смахивает на альбиноса. Лучшие бы прозвать его Каспером или Призраком, но эти клички уже заняты другими парнями полка, а так как Джон — самый младший во взводе, он стал Щеном. Щен родом из Линдена, Вашингтон, это у самой границы с Канадой, малиновый рай, по его словам: куда ни взглянешь — кусты и кусты, и все усеяны спелыми сочными ягодами. Щен скучает по малине, Жаб — по маминому капустному салату, а я — по мороженому «Бригамс». Вот

такая у нас разношерстная компания, ну или, если угодно, солянка, с разных концов нашей великой страны. Я люблю ребят всем сердцем, пусть мы и знакомы всего несколько недель. Втроем мы чувствуем себя неуязвимыми, сильными, — и, Месси, ненавижу говорить такое, но я точно самый сильный из нас. Сначала я думал, это из-за того, что тренер Бевилакка вечно заставлял всю команду бегать спринты и взбираться по ступеням до самого верха стадиона, но эти упражнения делают тебя сильным снаружи, а чтобы выжить, надо быть жестким изнутри. Приходит твоя очередь занять позицию, идти в караул, и надо быть смелым, то есть по-настоящему смелым, потому что с большой вероятностью ты станешь первым, кто столкнется с чарли. Если нарвешься на вражеский огонь, получишь пулю. Когда я впервые вел роту, мы двигались по тропе в джунглях, москиты ревели как львы, была глубокая ночь, а сзади к нам подкрались партизаны и перерезали глотку Риччи, который замыкал колонну. Мы вступили в перестрелку, Акосту и Кельца ранили. Я выбрался, отделавшись двумя десятками комариных укусов.*

Я слышал, в других подразделениях приглашают мозгоправов, чтобы разобраться с беспорядком в головах. Если мы отправляемся на задание, почти наверняка один из нас гибнет. Кто именно — вопрос везения, все равно что какую утку ты подстрелишь из водяного пистолета в ярмарочном аттракционе. В Бруклине я учил детей водить, знал, что где-то идет война, смотрел репортажи по телевизору с тобой, мамой и папой, слышал подсчеты погибших, но не чувствовал, что все это настоящее. Теперь я здесь и война слишком реальная. Каждый день

* Чарли — прозвище вьетнамских партизан, произошедшее от сокращения VC (Viet Cong), которое в военном алфавите звучит как «Виктор Чарли» (Victor Charlie).

требуется стойкости; должен сказать, я не понимал толком, что значит это слово, пока не попал сюда.

Ночью, когда я стою на вахте или пытаюсь заснуть, но при этом не потерять бдительность, то размышляю, на кого в семье похож больше всего. Чья ДНК сохранит мне жизнь? Сначала я думал, наверное, дедулина, потому что он был успешным банкиром, или отца, ведь он служил лейтенантом в Корее. Но потом знаешь, что я понял? Самый жесткий человек в нашей семье — бабуля. Она, наверное, самый жесткий человек во всем мире. Я бы поставил нашу бабушку против любого вьетконговца или любого из моих командиров.

Знаешь, как она смотрит на тебя, если разочарована? Словно ты и туфли ей вылизать недостойн. Или говорит этим своим голосом: «И что я теперь должна думать о тебе, Ричард?» Наверняка ты знаешь, именно поэтому с ужасом ожидаешь поездку на Нантакет. Если это поможет тебе чувствовать себя не такой жалкой, помни: те черты характера бабули, которые повергают тебя в отчаяние, в то же время помогают выжить твоему брату.

Я люблю тебя, Месси. С днем рождения.

Тигр

Вечером перед отъездом на Нантакет Джесси с родителями сидит за кухонным столом и таскает из картонной коробки куски пиццы — у Кейт за сборами не осталось времени на готовку, — и тут раздается стук в дверь. Джесси, Кейт и Дэвид застывают, как в игре в статуи. Внезапный стук в дверь в половину восьмого вечера значит, что... Джесси мгновенно представляет двух офицеров: как они стоят на ступеньках, держат в руках фуражки и готовы сообщить новость, которая разобьет ее семью. Кейт никогда не оправится; у Блэр, наверное, начнутся преждевременные роды; Кирби устроит спектакль, станет громко обвинять Роберта

Макнамару, Линдона Джонсона и своего самого заклятого врага, Ричарда Милхауса Никсона. А Джесси — как насчет нее? Она может только представить, что растворится, как таблетки «Алка-Зельцер», которые отец бросает в воду по ночам, работая над сложным делом. Она превратится в прах, и ее развеет ветер.

Дэвид с мрачным лицом встает из-за стола. Биологически он Тигру не отец, но занял его место, когда Тигр был маленьким мальчиком, и, по мнению Джесси, отлично справился. Дэвид худой (его любимая игра — теннис, Экзальта беспокоится, что на этом его достоинства и заканчиваются), а Тигр — высокий и широкоплечий, вылитый лейтенант Уайлдер Фоли. Дэвид — адвокат, но не из тех, кто только и знает, что кричать в зале суда. Он спокойный и взвешенный, всегда советует Джесси сначала думать, а потом говорить. Дэвид и Тигр очень близки, порой это даже похоже на нежность, и Джесси готова побиться об заклад, что по пути к двери у Дэвида внутри все обрывается.

Кейт хватается Джесси за руку и сжимает. Джесси глядит на оставшуюся в коробке половину пиццы и думает, что если Тигр погиб, то никто из них больше никогда не сможет проглотить ни кусочка пиццы, и это просто ужас, ведь пицца — любимая еда Джесси. Потом у нее проскальзывает еще более неприличная мысль: если Тигр погиб, ей не придется ехать на Нантакет с мамой и Экзальтой. Ее жизнь пойдет кувырком, но вот лето будет в каком-то смысле спасено.

— Джесси! — раздосадованно зовет отец. Она встает из-за стола и мчится к выходу.

Дэвид придерживает распахнутую входную дверь. Снаружи, на крыльце, освещенные фонарем, стоят Лесли и Дорис.

— Я сказал твоим подружкам, что мы ужинаем, — бросает Дэвид, — но завтра ты уезжаешь, поэтому даю вам пять минут. Они пришли попрощаться.

Джесси кивает.

— Спасибо, — шепчет она и видит, как на лице отца проступает облегчение.

Нехорошо, что их ужин прервали, но лучше по такой причине, чем по той, которой они все время боятся.

Джесси выходит на крыльцо.

— Пять минут, — повторяет Дэвид и закрывает за ней дверь.

Джесси ждет, пока ее пульс успокоится.

— Вы гуляли? — спрашивает она. Лесли живет в шести кварталах, Дорис — примерно в десяти.

Дорис кивает. Выглядит она, как обычно, мрачно. Очки с толстыми стеклами съехали на кончик носа. Разумеется, на ней расклешенные джинсы с вышитыми на передних карманах цветочками. Дорис не вылезает из этих джинсов. Но в качестве уступки жаре она дополнила их крохотным белым топом, очень миленьким, но испорченным пятном кетчупа на самом видном месте. Отец Дорис владеет двумя франшизами «Макдоналдса», и она постоянно ест гамбургеры.

Воздух благоухает, в окружающих дорогу деревьях порхают светлячки. Ох, как же Джесси хочется на все лето остаться в Бруклине! Ездить на велосипеде в загородный клуб с Лесли и Дорис, а под вечер они могли бы покупать фруктовый лед. Могли бы зависать в магазинах на Кулидж-Корнер и притворяться, что случайно натываются на мальчишек из школы. Кирби сказала Джесси, что именно этим летом ее ровесники наконец-то пойдут в рост.

— Мы пришли сказать тебе *bon voyage*, — говорит Лесли. Она зыркает через плечо Джесси — удостовериться, что за дверью никто не подслушивает, — и продолжает тише: — А еще у нас новости.

— Целых две, — добавляет Дорис.

— Во-первых, — сообщает Лесли, — они начались.

— Они, — повторяет Джесси, хотя и понимает, что Лесли имеет в виду месячные.

Дорис кладет руку себе на низ живота.

— У меня болел живот, — говорит она. — Так что, думаю, я следующая.

Джесси не знает, что сказать. Как отреагировать на новость, что одна из лучших подруг сделала первый шаг навстречу женственности, в то время как сама Джесси все еще сущий ребенок? Она так жутко ревнует, потому что с тех пор, как в прошлом месяце школьная медсестра провела «беседу», тема менструации стала преобладать в их болтовне. Джесси так и думала, что Лесли станет первой из них, у кого начнутся месячные, потому что она наиболее развита. У нее уже выросла маленькая упругая грудь, и подруга носит спортивный бюстгальтер, в то время как Джесси и Дорис плоские, как гладильная доска. Джесси завидует, страстно желает того же и порой тревожится — она слышала историю о девочке, у которой так никогда и не началась менструация, — хотя сама понимает, как это глупо. Обе старшие сестры Джесси стонут по поводу своих месячных. Кирби зовет их «проклятием», что в ее случае вполне оправданно, ведь всякий раз она страдает от мигрени и изнурительных спазмов, которые приводят ее в ярость. Блэр более деликатно отзывается о цикле, хотя сейчас это для нее не проблема — она беременна.

«Лесли может забеременеть», — думает Джесси, и эта мысль почти вызывает смех. Ей хочется прервать разговор, вернуться в дом и доесть пиццу.

— А вторая новость? — спрашивает она.

— Вот, — говорит Лесли и вытаскивает из-за спины плоский, квадратный, тщательно упакованный подарок. — С днем рождения!

— Ой, — ошеломленно восклицает Джесси. Как все, кто празднует день рождения летом, она давно уже

не надеется на нормальные поздравления от одноклассников. Джесси принимает подарок, сразу понимая, что это пластинка.

— Спасибо.

Она бросает взгляд на Лесли, затем на Дорис, которая все еще держится за живот с воображаемой болью, а затем срывает оберточную бумагу. Это альбом «Clouds» Джони Митчелл, как Джесси и мечтала. Она одержима песней «Both Sides, Now». Это самая прекрасная песня в мире. Джесси готова слушать ее каждую секунду каждого дня до самой смерти, и ей не надоест.

Она обнимает Лесли, а за ней Дорис, которая говорит:

— Мы купили его в складчину.

Это заявление предполагает вторую благодарность, Джесси высказывает ее непосредственно Дорис. Она рада, что подружки по-честному купили альбом, потому что за две недели, которые минули с окончания школы, все трое совершили несколько краж в магазинах.

Лесли стащила два розовых ластика и коробку мелков в «Ирвинге», Дорис украла вчерашний яичный рогалик в кошерной пекарне, а Джесси, поддавшись невероятному натиску подруг, стянула тушь «Мейбеллин» из «Вулвортса» на Кулидж-Корнер, и это был крайне рискованный поступок, ведь в «Вулвортсе», по слухам, установлены скрытые камеры. Джесси знает, воровать плохо, но Лесли взяла ее на слабо, и Джесси почувствовала, что на карту поставлена ее честь. В день, когда настала ее очередь, Джесси вошла в «Вулвортс» напуганной, жутко напуганной, уже придумывала извинения для родителей, решила свалить вину за проступок на стресс, вызванный призывом брата на службу. Но, выйдя из магазина с тушью, надежно запрятанной в карман оранжевой ветровки, ощутила прилив адреналина, который, по ее мнению, напоминал наркотический кайф. Она чувствовала себя великолепно! Она

чувствовала себя сильной! Она была так опьянена, что остановилась на заправке на углу Бикон и Гарвард, зашла в дамскую комнату и нанесла тушь прямо там, у тусклого зеркала.

Менее захватывающая часть истории заключалась в следующем: как только Джесси вошла в дом, Кейт обнаружила тушь, и за этим последовал допрос испанской инквизиции. Что это на глазах Джесси? Неужели тушь? Где она взяла *тушь*? Джесси придумала единственный правдоподобный ответ: это косметика Лесли. Джесси изо всех сил молилась, чтобы Кейт не позвонила матери Лесли, ведь если та спросит об этом дочь, то пятьдесят на пятьдесят, что подруга не станет покрывать Джесси.

В общем, Джесси ощущает облегчение от того, что ей не вручили ворованную пластинку. Если мама узнает о магазинных кражах, то навсегда лишит Джесси общества Лесли.

— Когда вернешься? — спрашивает та.

— На День труда, — отвечает Джесси. А до него буд-то еще целая вечность. — Пишите мне. У вас же есть адрес?

— Угу, — подтверждает Дорис. — Я уже отправила тебе открытку.

— Уже? — удивляется Джесси. Она тронута этим неожиданным проявлением доброты от ворчуньи Дорис.

— Мы будем скучать, — говорит Лесли.

Джесси прижимает пластинку к груди и машет на прощание, а потом возвращается в дом. И пусть она не первая, у кого начались месячные, а может, даже не вторая, но это неважно.

Подруги любят ее — купили то, что она очень хотела, — и, что важнее, брат до сих пор жив. В этот краткий миг, в самом конце своего двенадцатого года жизни, Джесси Левин счастлива.

Рано утром в дверь спальни Джесси негромко стучат. Отец заглядывает внутрь.

— Уже проснулась? — спрашивает он.

— Нет, — отвечает Джесси и натягивает одеяло на голову. Вчерашнее чувство легкости исчезло. Джесси не хочет ехать на Нантакет. И даже не хочет рассматривать ситуацию «с другой стороны».

Есть только одна сторона, а именно: без брата, сестер, а в перспективе и без мамы Нантакет станет сушим адом.

Дэвид садится рядом на постель. Он одет в темно-синий легкий летний костюм, белую рубашку и галстук в широкую оранжевую и синюю полосу. Курчавые темные волосы уложены, а пахнет отец работой, то есть лосьоном после бритья «Олд Спайс».

— Эй, — окликает он, откидывая одеяло. — С днем рождения!

— Можно я просто останусь с тобой и буду приезжать на остров на выходные? — просит Джесси.

— Солнышко.

— Ну пожалуйста!

— Все будет хорошо. Просто здорово. Это особенное лето. Тебе тринадцать. Ты стала подростком, выйдешь из тени брата и сестер...

— Мне хорошо у них в тени.

Прошлым летом Кейт заставила сестер и брата по очереди развлекать Джесси. Блэр всегда водила ее на Клиффсайд-бич. Они покупали в «Камбузе» хот-доги и фратте, а потом тщательно наносили автозагар «Копперстоун», Блэр листала страницы романа Джона Апдайка «Супружеские пары» про обмен женами, зачитывая Джесси вслух скандальные отрывки. Апдайк очень любил слово «возбуждение», и когда Блэр впервые прочитала его, то посмотрела на Джесси поверх страниц и спросила:

— Ты ведь знаешь, что это значит?

— Ну да, — ответила Джесси, хотя не имела ни малейшего представления.

Блэр отложила книгу и выдала:

— Не надо испытывать отвращение к сексу. Это совершенно естественно. Мы с Ангусом занимаемся сексом каждый день, иногда дважды.

Такая новость одновременно заинтриговала и оттолкнула Джесси, некоторое время она даже смотреть на Ангуса не могла. Тот был на десять лет старше Блэр и так погружен в науку, что не успевал расчесывать темную взлохмаченную шевелюру. Он всегда размышлял над математическими задачами. Бабуля обожала его до такой степени, что во время визитов в особняк «Все средства хороши»^{*} разрешала занять кожаное кресло дедули за антикварным столом. Ангус редко ходил на пляж, потому что ненавидел песок и мгновенно обгорал на солнце.

Джесси претила мысль о неумном сексуальном аппетите Ангуса. Блэр была такой красивой и умной, что могла заполучить любого мужчину, какого пожелает, но вышла замуж за Ангуса и забросила преподавание английского в женской школе Уинсор, чтобы заняться домашним хозяйством. Теперь она поклонялась Джулии Чайлд и носила пышные платья от Лилли Пулитцер, но на пляже больше смахивала на дерзкую беби-ситтершу, чем на почтенную старшую сестру. Блэр курила «Кент», прикуривая серебряной зажигалкой от Тиффани, на которой было выгравировано любовное послание от младшего брата Ангуса, Джоуи, с которым Блэр встречалась до мужа. Она подкрашивала губы каждый раз, выходя из воды, и бесстыдно флиртowała со спасателем Марко родом из Рио-де-Жанейро.

^{*} Название особняка — часть пословицы «В любви и на войне все средства хороши» (англ. All's Fair in Love and War).

Блэр знала несколько фраз на португальском. Она была гламурной.

Кирби тоже водила Джесси на пляж, но предпочитала южное побережье, где тусили серферы и хиппи. Сестра чуть-чуть спускала шины огненно-красного «Интернешенал-Харвестер-Скаут», который бабушка купила для поездок по острову, и они рулили прямо на Мадэквечем-бич, где любой солнечный день становился поводом для праздника. Люди играли в волейбол, выуживали банки пива из оцинкованных бочонков со льдом, а воздух пах марихуаной. Кто-нибудь непременно приносил транзисторный радиоприемник, и они слушали The Beatles, Creedence и любимую группу Кирби Steppenwolf.

По мнению Джесси, красотой Кирби даже превосходила Блэр. Волосы у нее были длинные и прямые, Блэр обладала роскошными формами, а Кирби была тонкой, как стрела. Серферы в мокрых гидрокостюмах, которые сползали с их торсов подобно облезавшей коже, закидывали Кирби на плечи и бросали в волны. Она протестующе вопила, но Джесси знала: на самом деле сестре это нравилось и, в отличие от Блэр, Кирби не волновало, как она выглядит, вылезая из воды. Сестра не красилась и сушила на солнце блондинистые волосы, не расчесывая. Вместо сигарет Кирби курила траву, но, когда присматривала за Джесси, позволяла себе только две затяжки; таково было ее правило. По ее словам, две затяжки расслабляли и эффект всегда проходил к моменту возвращения во «Все средства хороши».

Дни, которые Джесси проводила с Тигром, были полны приключениями. Они ездили на мотоциклах к пруду Мэкомет ловить рыбу, взбирались на Алтарь-Рок, самую высокую гору Нантакета, и стреляли из картофельной пневмопушки Тигра. Но больше всего они

любили боулинг. Тигр с двенадцати лет слыл легендой боулинга «Мид-Айленд». Его знали все завсегдатаи, приходили посмотреть на игру и покупали Джесси безалкогольное березовое пиво, которое она с удовольствием смаковала, потому что Экзальта не признавала никакой газировки, кроме имбирного эля с гренадином в клубе, и даже тогда Джесси разрешалась только одна порция.

Мастерство Тигра в боулинге было удивительным, потому что играли они только на Нантакете и только во время дождя. Экзальта категорически отказывалась оставлять детей в помещении в прекрасные летние дни. Когда Тигр стал достаточно взрослым, чтобы водить машину, он, конечно, мог играть в боулинг в любое время. В те дни, когда Тигр отвечал за Джесси, он брал ее с собой в клуб тайком от Экзальты, что приводило обоих в еще больший восторг. Брат выстраивал шар в одну линию с кеглями, а затем позволял тому вылететь из пальцев, поднимая отставленную назад ногу, словно в танце. Тигр был грациозен, силен и точен. Чаще всего он сметал все кегли одним махом, словно крошки со стола. Джесси надеялась и молилась, что данный брату богом талант окажется наследственным и ей тоже перепадет, но не повезло: шары Джесси отклонялись то вправо, то влево и по крайней мере в половине случаев сваливались в желоб.

Джесси пытается вообразить себе лето на Нантакете без брата и сестер.

Она будет слоняться вокруг «Все средства хороши» с заданной на летнее чтение книгой «Дневник Анны Франк» — и все. Ну еще уроки тенниса, на которых настаивает бабушка, хотя Джесси теннис не интересуется от слова «совсем». Она не настолько избалована, чтобы назвать перспективу провести лето на Нантакете тоскливой, но почему, ох, почему нельзя просто остаться дома?

Ее отец, сидя на постели, вытаскивает из кармана пиджака маленькую коробочку.

— В еврейской традиции тринадцатилетие — особый праздник, — говорит он. — У меня была бар-мицва, но так как мы не растили тебя иудейкой, то не будем проводить эту церемонию. — Он делает паузу и на мгновение отводит взгляд. — Но я хочу отметить важность этой даты.

Джесси садится и открывает коробочку. Внутри серебряная цепочка с круглым медальоном размером с четвертак. На нем выгравировано дерево.

— Дерево жизни, — объясняет Дэвид. — В каббале древо жизни — символ ответственности и зрелости.

Ожерелье чудесно. И Джесси любит отца больше всех на свете, даже больше Тигра, хотя и знает, что любовь нельзя измерить. Она питает к отцу несколько покровительственные чувства, ведь у Джесси есть кровная связь со всеми членами семьи, а у Дэвида — только с ней самой. Ей интересно, думает ли папа иногда об этом, чувствует ли себя чужаком. Она в восторге, что он решил особо отметить связующие их узы. Джесси слышала: для того чтобы считаться «настоящей» еврейкой, надо, чтобы еврейкой была мать, и если все так, то Джесси не проходит этот тест. Однако она ощущает родство с отцом — нечто духовное, нечто большее, нежели обычная любовь, — пока застегивает замочек и опускает прохладный тяжелый медальон на грудь. Интересно, думает она, у Анны Франк был медальон с деревом жизни? Если и был, Анна, наверное, спрятала его с остальными семейными ценностями, чтобы не достался нацистам.

— Спасибо, папа.

Дэвид улыбается.

— Я буду скучать по тебе, малышка. Станем видеться на выходных.

— Думаю, раз уж я теперь должна быть ответственной и зрелой, хватит жаловаться на отъезд, — решает Джесси.

— Уж пожалуйста. И знаешь что? Когда я приеду на остров, мы пойдем в кафе «Свит Шоп», купим тебе два шарика «малахитовой крошки» и ты сможешь жаловаться на бабушку сколько захочешь. Идет?

— Идет, — кивает Джесси, и в этот краткий миг, в самом начале своего тринадцатилетия, Джесси Левин счастлива.

Born to Be Wild*

Разговор не клеится, но нет ничего удивительного в том, что летом шестьдесят девятого года беседа двадцатидвухлетней девушки с родителями идет наперекосяк.

— Но мне нужен простор! — восклицает Кирби. — Свобода! Я взрослая! Мне пора самой принимать решения!

— Ты сможешь называть себя взрослой и принимать решения, когда сама станешь оплачивать свои расходы, — говорит Дэвид.

— Я уже говорила, — парирует Кирби, — что нашла работу. И далеко не уеду: всего лишь на соседний остров.

— Об этом не может быть и речи, — обрывает ее Кейт. — Тебя дважды арестовывали. Арестовывали, Катарина!

* «Born to Be Wild» (1968) — песня, вошедшая в дебютный альбом группы Steppenwolf, символ независимости и свободы.